

Картируя университет: стратегии присвоения пространства в опыте повседневности

А. В. Никифорова^{1,2}, М. В. Рон^{✉1}, С. А. Тихомиров³, А. С. Макашова⁴

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой, 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, д. 2

³ Высшая школа народных искусств (академия), 191186, Россия,
Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 2, лит. А

⁴ ЧОУ «Санкт-Петербургская Монтессори-школа Михайловой», 195271, Россия,
Санкт-Петербург, ул. Замшина, д. 58, корп. 2

Для цитирования:

Никифорова, А. В., Рон, М. В., Тихомиров, С. А., Макашова, А. С. (2020) Картируя университет: стратегии присвоения пространства в опыте повседневности. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 1, с. 69–78. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-69-78

Получена 2 марта 2020;
прошла рецензирование
6 апреля 2020;
принята 6 апреля 2020.

Права: © Авторы (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Дискуссии об университете будущего, которые активно ведутся сегодня в России, чаще всего касаются образовательных программ, принципов обучения и востребованности выпускников. Тем не менее будущее также включает в себя повседневный опыт, играет роль во всех решениях и достижениях. Авторы анализируют университет как физическую среду в жизни академических сообществ и предлагают алгоритмы исследования повседневной жизни в пространстве университета. В статье представлены результаты полевых исследований повседневной жизни в университетском пространстве с точки зрения студентов. Исследование проводилось в 2009–2018 гг. среди студентов Санкт-Петербурга (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственная высшая школа народных искусств).

Авторы выяснили, что в дополнение к формальной пространственной структуре университета студенты создают стабильную неформальную систему пространственных и временных осей, включая звуки, запахи, цвета, объекты, тексты и ситуации. На неформальном уровне учащиеся активно развивают символические значения мест, наделяя их смыслами, важными для студенческого общества. Университетское пространство, как его описывают студенты, выглядит организованным и дифференцированным; это также определяет личность студента и предписанные поведенческие нормы. В течение исследовательского периода было установлено, что неформальные знания и методы пространственного назначения могут сохраняться на протяжении длительного времени, передаваясь из поколения в поколение. Уровень эмоционального и интеллектуального восприятия официального и неофициального образов университетского пространства в основном зависит от наличия хорошо организованных механизмов коммуникации между академическими обществами студентов, преподавательским составом и администрацией.

Ключевые слова: культурное пространство, пространство университета, повседневная культура, места памяти, неформальное пространство, студенческий фольклор, антропология культуры.

Mapping the university space: Strategies of spatial appropriation in the everyday experience

L. V. Nikiforova^{1,2}, M. V. Ron^{✉1}, S. A. Tikhomirov³, A. S. Makashova⁴

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Vaganova Ballet Academy, 2 Zodchego Rossi Str., Saint Petersburg 191023, Russia

³ Higher School of Folk Arts (Academy), 2A Griboedov Canal Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

⁴ Saint Petersburg Montessori-School of Mikhailova, 58/2 Zamshina Str., Saint Petersburg 195271, Russia

For citation:

Nikiforova, L. V., Ron, M. V., Tikhomirov, S. A., Makashova, A. S. (2020) Mapping the university space: Strategies of spatial appropriation in the everyday experience. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 69–78. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-69-78

Received 2 March 2020;
reviewed 6 April 2020;
accepted 6 April 2020.

Copyright: © The Authors (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. Recently in Russia, there has been a lot of debate about the university of the future. The focus is largely on educational programs, approaches to teaching and learning as well as career paths of graduates. However, the future is also about the everyday experience, which is crucial to decision making and success. The authors refer to the university as a physical environment of academic communities, and offer algorithms to study the everyday life on a university campus. The paper presents the results of the field research of the everyday life on a university campus from a student perspective. The research was carried out in 2009–2018 among the students of Saint Petersburg (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg State University, Folk Arts State Higher School).

The paper reports that in addition to the university's formal spatial structure, students construct a stable informal system of spatial and time axes, including sounds, smells, colors, objects, texts, and situations. On the informal level, students attach symbolic meanings to places as long as these meanings are important to the student community. The university space, as described by students, appears organized and differentiated; it also determines the identity of students and the prescribed norms of behavior. The research found that informal knowledge and strategies of the appropriation of space are more or less stable and may be passed down to future generations. Emotional and intellectual perceptions of the formal and informal concepts of the university space mainly depend on the efficiency of communication between students, academics, and university management.

Keywords: cultural space, university campus, everyday life, place of memory, informal space, “student lore”, anthropology of culture.

Впервые текст был опубликован на английском языке: Nikiforova, L., Tikhomirov, S., Ron, M., Makashova, A. (2018) Mapping the university space: Strategies of spatial acquisition in the everyday experience. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. LI, pp. 660–669. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.72

First published in English: Nikiforova, L., Tikhomirov, S., Ron, M., Makashova, A. (2018) Mapping the university space: Strategies of spatial acquisition in the everyday experience. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. LI, pp. 660–669. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.72

Введение

При входе в любой университетский кампус мы видим карту, на которую нанесены здания факультетов, администрации, библиотеки и т. д.

Официальная структура пространства может быть дополнена другими «местами», раскрывающими неофициальные, неочевидные, но значимые аспекты жизни студентов, преподавателей и других работников университета. В отличие от цветов на официальной карте (желтый — здания, зеленый — сад и т. д.), для карты неформального пространства нужна другая палитра: одни участки могут быть агрессивными, другие — дружественными, третьи — труднодоступными, четвертые — возвышенными и т. д.

Дискуссии об университете будущего, которые активно ведутся сегодня в России, чаще всего касаются образовательных программ, принципов обучения и востребованности выпускников. Тема повседневной жизни университета как будто не имеет отношения к задачам университета 2.0 или 3.0, не замечена в проекте Национальной

технологической инициативы (Nikiforova, Bylieva, Lobatyuk, Voronova 2017). Между тем полвека назад вопрос был поставлен именно так: что надо изменить в повседневной жизни университета, чтобы достичь желаемых изменений в будущем.

Идея о том, что университет — это не только учебные программы и высокие стандарты образования, но и физическое пространство, буквально «окружающая среда» любых решений и свершений, восходит к 1968 году. Как отмечал Дэвид Виснант, студенческие волнения поколебали представление об университете как о храме или даже монастыре знания и науки, или об «острове» знания, изолированность которого от быстро меняющейся современной жизни, как правило, репрезентирована исторической архитектурой университетских комплексов (Whisnant 1979, 545).

Попытки разобраться в причинах т. н. «волнений в кампусе» (Whisnant 1979, 544) привели к открытию простой истины: университет — это место не только для учебы (работы), это место жизни, и от повседневности его обитателей зависят идеалы, ценности и поступки. Так, пространственное противопоставление «высокой» культуры университетской администрации и «низовой» культуры студенческой жизни и даже «гетто» общежитий воспроизводят социальное неравенство, провоцируют установку на борьбу и даже на захват власти (Whisnant 1979, 557).

Уильям Стернер определил университет как «тотальную среду»: «...сочетание многих разнообразных, но взаимосвязанных видов деятельности — целенаправленных и случайных, взаимосвязанных и разрозненных; взаимодействие со многими неодушевленными физическими объектами. Все это вместе формирует среду, в которой студенты и преподаватели выстраивают общие интересы, идентичности, стратегии понимания» (Sturmer 1972, 98).

Обсуждение университета будущего или «устойчивого университета» в 1970–1980-е разворачивалось параллельно со становлением т. н. «новой урбанистики», критической и гуманитарной географии (Hopkins 2011) и вобрало в себя идеи пространственного поворота в гуманитарных науках (Бахманн-Медик 2017).

Современная «география образования», занимающаяся особенностями систем образования в разных регионах и траекториями мобильности, вновь ставит вопрос о том, как университет производит «социопропространственные сообщества и идентичности» (Holloway, Jöns 2012, 484).

Развитие информационных технологий не сняло с повестки дня вопрос о стратегиях идентификации виртуального образа университета с реальным пространством. Цифровое пространство становится посредником в стратегиях освоения университетского кампуса (Gashkova, Verezhovskaya, Shipunova 2017). Исчезновение традиционного пространства в онлайн- и дистанционном обучении рождает новые формы присутствия и эмоциональной вовлеченности в повседневную жизнь университета (Bayne, Gallagher, Lamb 2014).

Несмотря на то, что пространственное измерение университета уже открыто и признано, не существует единого алгоритма исследования повседневной жизни современного университетского кампуса. К тому же такое исследование само по себе становится особым типом опыта как для исследователя, так и для респондентов. В настоящей статье мы представляем одну из версий работы с пространством университетской повседневности.

Ставя задачу полевого исследования, мы в первую очередь решили уточнить алгоритм гуманитарного анализа пространства. Различные исследования культурного пространства и культурной памяти, пространства и времени мифа, сакрального, литературного, художественного пространств имеют некоторые сходные черты.

- Эти пространства дискретны, иерархичны; они описываются как совокупность «мест», наделенных значением (Степанов 2016); «“места” хорошо известны представителям сообщества, освоены повседневными практиками; их значения богаты и способны возобновляться, хотя и не остаются неизменными» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 61).
- «Местами» в таких пространствах становятся не только буквально пространственные объекты, но и личности, ситуации, высказывания, тексты, вещи, вокруг которых выстраиваются повседневные интеракции.
- Описание множественных и разнообразных практик означивания составляет важную часть исследования.

Каждый обитатель университетского кампуса обладает опытом повседневности, но для того, чтобы его анализировать, необходимо занять позицию наблюдателя — «войти в исследовательское поле» (Куприянов, Садовникова 2009, 373). Важную роль в настройке «взгляда» наблюдателя играет «интеллектуальный сценарий формирования смысла» (Shipunova, Mureyko, Serkova et. al. 2016, 6), тем более что студенты обладают высоким уровнем рефлексивного

мышления. Поэтому для наших респондентов предварительным этапом интроспекции стало освоение теории культурного пространства в сжатой, но академически адекватной форме, включая знакомство с некоторыми текстами. (Подробнее о предварительном этапе и методике сбора информации см.: Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011). Мы предположили, что стимулирующим эффектом может обладать не только технология обсуждения (при всей пластичности этого понятия в российском академическом языке (Nikiforova 2015, 184)), но и сама теория. После обсуждения теории вопроса студентам было предложено составить собственный список «мест» университетского кампуса и прокомментировать некоторые из них.

Исследование повседневной жизни университетского кампуса глазами студентов проводилось в 2009–2018 годах среди студентов Санкт-Петербурга: Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (факультеты географии, математики и информатики, музыки, изобразительного искусства, филологический, философский), в 2009–2011 годах в Санкт-Петербургском государственном университете (филологический факультет), в 2014–2018 годах среди студентов Высшей школы народных искусств (академии) (факультет декоративно-прикладного искусства). В исследовании принял участие 541 респондент. Использованы методы фокус-групп и включенного наблюдения.

Территория университетского кампуса

Университет — фрактал мегаполиса, в чем-то подобный или даже эквивалентный городу: «Площадка перед главным корпусом — как будто наша собственная Дворцовая площадь»; «РГПУ — это целый город, со своими площадями, улицами, двориками» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 63). Но, в отличие от западноевропейских кампусов, которые зачастую имеют «островной» характер, отгорожены от остального мира отчетливо воспринимаемой визуальной границей (Whisnant 1979, 546), пространство российских университетских кампусов более плавно перетекает в общегородское. Из университетских корпусов можно свободно выскользнуть в шумное пространство мегаполиса: респонденты из Высшей школы народных искусств (академии) практикуют «выход в город» во время обеденного перерыва с такими целями, как «прогуляться в парке», «полюбоваться

литерской архитектурой», «посмотреть и пообсудить невест» (Высшая школа народных искусств расположена в самом центре туристических и свадебных маршрутов Санкт-Петербурга). Вообще, довольно часто студенты отмечали зеленые зоны университетских кампусов как наиболее дружелюбные пространства — действительно, университеты нередко воспроизводят «пасторально-утопический идеал» (Chase 1992, 585). В тех же случаях, когда собственных парков в университетском кампусе нет, студенты «присваивают» ближайшие городские скверы.

Восприятие студентами университетского пространства дополняется городскими точками — местами практик, соседними магазинами, кафе, которые могут выполнять как сугубо прагматическую роль «быстро и недорого перекусить», так и площадками для проведения досуга и дружеских встреч и т. д. Общегородские режимы поведения, как показывают ответы респондентов, находят продолжение в университетских корпусах: например, публичное разглядывание сверстников, наполнение пространства личными воспоминаниями, ситуативно актуализирующимися в рассказах, и т. д.

При этом освоение пространства вуза студентами предполагает символическое производство границ: «входные ворота», «турникеты», «вахта», «пост охранника, он же блокпост» маркируют границы университетского кампуса.

В восприятии студентами исторических университетских зданий много эмоционального, эстетического: «Старая архитектура вносит особый дух во все пространство РГПУ. Кажется, что здесь все, как пару веков назад... Архитектура позволяет ощутить причастность к истории вуза...» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 63). При этом любопытно, что записанные тексты не позволяют зафиксировать наличие глубокой осведомленности об историческом прошлом места. Исторические здания, в которых расположены факультеты, способны генерировать таинственные образы: «в вузе живет планшетный монстр, который съедает или выбрасывает их» (обыгрывается запрет студентам-художникам оставлять планшеты в гардеробе и аудиториях), «в шкафу 225 кабинета обитает дух проклятой кружевницы, нападающий на одного из первокурсников и сопровождающий его в течение всего года», «пожарная лестница всегда закрыта, а если открыта, то ведет непонятно куда и откуда» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 64). При всей ироничности высказываний, порой пародирующих стилистику городских легенд

или же отсылающих к текстам массовой культуры, можно заметить следующую особенность. Пространство университета задумано исключительно рационально (что, к примеру, визуально воплощается в наличии табличек, указателей, планов эвакуации, четком планировании функциональных зон и т. д.), но способно «оживать», мифологизироваться в нарративах студенческого сообщества. Студенческая столовая как исключительно функциональное место превращается в пространство, где *«скапливается различного рода энергетика: неприятия, симпатии, возмущения, сплетни, новости и, в конце концов, голод»*.

Элементы пространства вуза определяют перформативный опыт (*«плюхнуться за парту, скинув рюкзак»*, *«на партах и столах у нас писать не принято ... любители поделиться своими мыслями делают это на мольбертах»*), но также требуют от студентов специфического знания и поведения. В одном из студенческих текстов отмечено: *«Читальный зал библиотеки филфака хорош тем, что там есть парты, за которыми можно сидеть вчетвером. Парты и скамейки очень старые и представляют особую опасность для модниц в капронках»* (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 65). Получается, что взаимодействие с пространством включает специфическое рутинное знание о нем (возможно, полученное опытным путем — затяжкой на колготках от «неумелого» обращения со старой партой) и особую телесную хореографию (расположение тела за партой каждый раз во время посещения библиотеки таким образом, чтобы читать книгу вчетвером, но при этом избежать порчи одежды). Студенты оспаривают рациональность, подстраивая пространство вуза под себя, обогащая его определенным курсом восприятия и действия.

Так формируется «другая пространственность» университета — антропологическая и мифопоэтическая (Флэри 2009, 31). Пространство вуза — публичное и изначально чужое для студентов-неофитов, его необходимо обжить, освоить и «присвоить», сделать знакомым и своим, выделив островки приватности (*«закутки»*, *«курилка»*, *«красные диваны»*). Элементом «приручения» места становится неофициальное наименование пространственных объектов. Бытующие названия аудиторий — *«гроб»*, *«шкаф»*, *«холодильник»*, *«парилка»* — не только способ выразить эмоционально-ценностное отношение, но и решить проблему опознаваемости типовых помещений студенческим сообществом, сэкономить языковые ресурсы (не обязательно держать в памяти

и воспроизводить номер аудитории). Таким образом, студенты активно производят не только границы, но и различные ориентиры. Тексты, полученные от респондентов, доказывают, что студенческое сообщество не только осваивает наиболее удобные способы ориентировки на местности, но и весьма внимательно к курьзам (*«аудитория 67 напротив аудитории 19»*, *«аудитория с компьютером, показывающим зеленеющего Рембрандта»*), которые фиксируются как вербально, так и при помощи технических средств, превращаясь в фотокурьез.

Накопленный материал позволяет утверждать, что формирование представлений о пространстве университета — длительный процесс, причем каждое новое поколение студентов «выбраковывает» некоторые образы и добавляет новые, развивая текстуру университетского пространства.

У каждого университета — свое пространство. Во многом эта самость генерируется университетскими сообществами, насыщающими и структурирующими его смыслами и значениями, стратегиями поведения. Повседневный опыт студентов окрашен пространственной спецификой (вуз как место для учебы и жизни (Whisnant 1979, 544), *«почти дом на несколько лет нашей молодой жизни»*). Поэтому, вероятно, справедливо предположение, что идентичность студенческого сообщества (кто мы?), конструируемая из социальных ролей, культурных предписаний может быть успешно дополнена пространственной характеристикой (где мы?).

Ритмы и календарные циклы университетской повседневности

Время повседневной жизни университетского кампуса структурировано календарем образовательного процесса, сезонами (семестрами), повторяющимися и уникальными событиями как в официальном, так и в повседневном календаре университетского кампуса.

В учебной жизни кампуса можно выделить длинный цикл, его рамками является «студенческая биография»: первый курс — «экватор» (середина обучения студента в университете) — последний курс — государственные экзамены и защита дипломной работы. Первое полугодие первого курса — для многих сложный период адаптации к правилам университета. Новичкам неясны такие моменты, как расположение корпусов на территории, изменения в расписании, распределение функций административных сотрудников университета, курирующих решение студенческих проблем. В связи с этим сту-

денты отмечают, что часто испытывали ощущение потерянности. Однако оно довольно быстро проходит, и уже после первой сессии студенты ощущают себя увереннее.

Вторым важным событием в рамках студенческой биографии становится «экватор» — сессия, на которую приходится середина обучения в университете. Это событие принято отмечать, собираться группой и вместе устраивать праздник. Несмотря на праздничную атмосферу и понимание того, что половина обучения позади, многие задаются вопросами «*А зачем я здесь?*», «*Там ли я учусь, где мне хотелось бы?*», «*Правильно ли я выбрал профессию?*».

Важными событиями длинного цикла являются государственные экзамены, подготовка и сдача дипломной работы, а также выпускной. Мнения об этих событиях у студентов расходятся: для тех, кто закончил бакалавриат и идет в магистратуру, нет такого серьезного и тревожного чувства разрыва с университетом, как для тех, кто покидает его. Многие отмечают тревогу при переходе в новый социальный статус.

В этом цикле события официальной и повседневной жизни в большинстве своем совпадают: посвящение в студенты, государственная аттестация, вручение дипломов.

Можно выделить годовой цикл университетского времени: в конце августа студенты возвращаются в город, размещаются в общежитии, узнают расписание, осенью начинается рутинный процесс обучения, затем наступает тревожный момент сессии. В эти периоды время изменяет свой ход: оно становится неравномерным, заполненным эмоциями и событиями, нарушается режим сна (многие студенты готовятся к экзаменам по ночам, а отсыпаятся уже после экзаменов). Всем российским студентам известна поговорка: «*от сессии до сессии живут студенты весело*».

Особенно ярким сезоном года является зимняя сессия, на которую приходится Новый год. Многие воспринимают совпадение календарей трагично, так как в этом случае иногородние студенты не могут встретить Новый год дома. На окончание зимней сессии приходится Татьянин день, или День студента (25 января).

Именно к зимней сессии в большей степени относятся высказывания: сессия — это «*стрессовая ситуация, способствующая развитию невротических состояний у особо эмоционально неустойчивых лиц*» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 67). Сессия — тот момент, когда происходит «*испытание на прочность*», «*проверка “коллективности”, взаимопомощи*»,

возможность «*проявить индивидуальные способности*».

Сессия — это время столкновения рационального и иррационального. Студенты понимают важность «*систематической проверки знаний*», но при этом полученная на экзамене оценка часто осмысливается как проявление «*удачи, форта*» или, напротив, «*абсолютного невезения*».

После сессии жизнь ненадолго затихает (зимние каникулы), во втором полугодии жизнь уже больше насыщена государственными праздниками и, соответственно, выходными — 23 февраля, 8 марта, т. н. «майские праздники», в конце учебного года — вновь сессия.

В цикле учебного дня студенты особенно выделяют начало первого занятия в 8 утра: «*наказание для первокурсников, чтобы они сразу ощутили, что такое студенческая жизнь*», «*это принуждение проснуться в 6.00, бежать по утреннему холоду, чтобы не опоздать к моменту закрытия двери в аудиторию*», при этом «*каждый год студентам обещают, что лекций в 8.00 больше не будет*» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 67). Выделяют также обеденный перерыв, когда есть время пообщаться, построить совместные планы на вечер. Кроме того, особенной бывает и последняя лекция, когда многие уже устали и активно работать на ней бывает сложно.

В современных условиях дистанционного образования (вне физического пространства университета) именно календарь жизни университетского кампуса становится важным способом идентификации с университетом (Ваупе, Gallagher, Lamb 2014).

Университет формирует собственную «темпоральную программу», частично совпадающую с общегосударственными (праздники) и общегородскими (час пик) ритмами, которая в значительной степени определяет поведение студентов, порой даже трансформируя суточный биологический цикл (бессонные ночи во время сессии).

Объекты и вещи, организующие пространство университетской повседневности

Уильям Стернер подчеркивал дискретность и одновременно связанность разнообразных составляющих пространства университетского кампуса, перечисляя: «...велосипеды, танцы, книги, пловцы, голоса, босые ноги, группы людей, пишущие машинки, поэтические чтения, визуальные и звуковые сюрпризы, песни, воздушные

змеи, мел, гитары, диспуты и странствующие группы игроков в мяч» (Sturmer 1972, 100).

Действительно, проживание пространства включает в себя значительное количество взаимодействий с малыми объектами. Более того, «материальные объекты не просто являются ресурсами интеракции, они не просто инкорпорированы, встроены в социальные взаимодействия — они играют ключевую роль в том, как эти взаимодействия упорядочены» (Вахштайн 2017, 6).

В качестве артефактов учебного процесса могут выступать: «квитанция — атрибут студента, обучающегося платно заочника» (обыгрывается тревога о своевременной оплате), «справка о вызове студента с работы на сессию — это путевка, которая дает студенту-заочнику отдых от работы на один месяц» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 67). Среди артефактов учебного процесса выделяются как «уникальные», отражающие специфику факультета (например, «невидимая кнопка в коридоре факультета изобразительного искусства, на которую вы обязательно наступите» (имеются в виду кнопки, которыми студенты крепят листы к планшетам)), так и общие — к примеру, «расписание». Этот объект включили в свои перечни студенты разных факультетов и университетов. В начале нашего исследования студенты отмечали регулярное стояние перед расписанием. Теперь, когда расписание существует в электронном виде, отмечают регулярное несовпадение информации в виртуальном и реальном пространствах (на стендах). Кроме того, названия дисциплин требуют интерпретации: «Если написано: “Актуальные проблемы лингвокультурологии”, то изучать Вы будете, вероятнее всего, ритуалы племен дикой Африки» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 67).

В качестве знаковых точек университетского пространства выступают художественные объекты. Так, памятник К. Д. Ушинскому предстает в качестве символа педагогического университета, копия «Афинской школы» репрезентирует факультет философии человека, гипсовый Лаокоон — факультет изобразительного искусства. С каждым из таких объектов у студентов складываются особые отношения: «Гипсовая голова Давида, которую я рисовала на экзамене, а потом и на занятиях по частям (нос, губы, ухо, глаз), а потом и целиком. Получая диплом, буду помнить вездесущего Давида, который есть во всех аудиториях рисунка» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 69). Особо символичным является памятник

К. Д. Ушинскому, расположенный перед главным зданием университета и вызывающий в сознании многих студентов контекстуальное несогласование (памятник — Ушинскому, а университет носит имя писателя А. И. Герцена). Это обстоятельство — постоянная тема студенческого фольклора: «Памятник посвящен не Герцену, тем и знаменит, так как на это обращают внимание. Как не Герцен? Почему не Герцен?» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 69).

Анализируя опыт повседневности, студенты отмечают акустические, ольфакторные, тактильные, цветовые феномены: «тугая дверь в фундаментальную библиотеку», «вино-красный цвет кафеля в туалете филфака». Важно отметить, что «малое количество развернутых высказываний на эту тему наводит на мысль, что современный студент все же больше “видит”, нежели “слышит” или “обоняет”» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 68). Однако существуют исключения, как, например, «запах булочек — время от времени пространство возле деканата наполняется вкусным запахом свежеспеченной сдобы. Вопреки логике, данный запах не обнаруживается в располагающейся ниже столовой. Это является одновременно и досадой, и загадкой» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 68).

Наиболее «звучащим» является пространство института музыки, театра и хореографии (подразделение Герценовского педагогического университета): *русская речь перемешивается с речью китайских студентов; из-за закрытых дверей аудиторий раздаются голоса исполнителей оперных партий, звуки фортепьяно, скрипки, флейты, контрабаса... Распеваются вокалисты, их затмевает стук каблучков, отбивающих степ, и голоса актеров, репетирующих диалоги. И на фоне этого полифонического хаоса беззвучно крутящиеся фуэте «хореографы».*

Студенческая ономастика является частью опыта повседневности. Одной из стратегий «освоения» и «присвоения» пространства становится практика неофициального наименования различных объектов. Особую роль играют названия и самоназвания специальностей и отдельных дисциплин. Например, «крестикнолики» — самоназвание студентов, обучающихся по направлению «художественное образование»; туристы — «экологический туризм»; психи — факультет психологии. Имена собственные, типажи, исторические личности (Герцен, Ломоносов, Бецкой), сотрудники деканата, вахтеры, фамилии или прозвища преподавателей

и сокурсников — все они становятся частью топонимики пространства университета. До введения электронной системы пропусков постоянным персонажем были вахтеры — «существа, обитающие в районе входной двери. Они умеют говорить одну фразу: “Предъявите студенческий в раскрытом виде”» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 68). Если образ вахтера постепенно уходит в прошлое, то неизменной остается ирония в отношении сотрудников администрации: «В деканате превышена концентрация девушек с именами на -ина (Катерина, Ирина, Марина и т. д.), чей IQ ниже 85 баллов, а каблук выше 10 см. От этого девушки, получающие высшее педагогическое образование, понимают его бессмысленность» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 68). Анализ студенческих высказываний «свидетельствует еще и о глубокой тематической преемственности студенческого творчества, в котором, едва ли не со времен вагантов, существенное место занимает противостояние между студентами и профессорско-преподавательским составом, а также между студентами и администрацией» (Никифорова, Рон, Тихомиров и др. 2011, 68–69).

Заключение

Генеральной стратегией присвоения пространства университетского кампуса выступает обживание неофициальных мест, которые

обычно получены по наследству от прошлых поколений и будут переданы следующим. Каждое новое поколение относится к этому творчески, в том числе выбраковывая некоторые образы и добавляя новые.

Несовпадение официальных и неофициальных структур пространства университетского кампуса является общим условием университетской повседневности; переживание этого несовпадения на эмоциональном или интеллектуальном уровне составляет необходимый компонент студенческой жизни.

Конкретными способами переживания пространства становятся проведение границ, «прокладывание» дорог; опознавание университетского кампуса как микрогорода — проекции «большого города» (в случае такого мегаполиса, как Санкт-Петербург); создание собственной системы ориентиров, в том числе ономастика; наличие таинственных мест.

Наибольшая степень совпадения официального и неофициального режимов жизни обнаружена во временных ритмах университетского кампуса. Хотя одни и те же события могут иметь разные интерпретации на уровне администрации и студенчества.

Важной частью повседневного опыта является взаимодействие с малыми объектами, звуками, запахами и цветами. Именно на этом уровне повседневности обнаруживается наибольшее разнообразие опыта и наиболее творческое отношение к пространству.

Литература

- Бахманн-Медик, Д. (2017) *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 502 с.
- Вахштайн, В. (2017) Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1. *Логос*, т. 27, № 2 (117), с. 1–48. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-2-1-44
- Куприянов, П. С., Садовникова, Л. В. (2009) Место памяти в памяти местных: культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья). *Антропологический форум*, № 11, с. 370–407.
- Никифорова, Л. В., Рон, М. В., Тихомиров, С. А. и др. (2011) Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы. *Вестник Герценовского университета*, № 7 (93), с. 60–70.
- Степанов, А. В. (2016) О месте. Этнофеноменологический очерк. *Антропологический форум*, № 28, с. 199–220.
- Флэри, А. (2009) Улица как географический объект. *Социологическое обозрение*, т. 8, № 3, с. 30–36.
- Bayne, S., Gallagher, S. M., Lamb, J. (2014) Being ‘at’ university: The social topologies of distance students. *Higher Education*, vol. 67, no. 5, pp. 569–583. DOI: 10.1007/s10734-013-9662-4
- Chase, L. (1992) Imagining utopia: Landscape design at Smith College, 1871–1910. *The New England Quarterly*, vol. 65, no. 4, pp. 560–586. DOI: 10.2307/365822
- Gashkova, E. M., Berezovskaya, I. P., Shipunova, O. D. (2017) Models of self-identification in digital communication environments. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, vol. XXXV, pp. 374–382. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.44

- Holloway, S. L., Jöns, H. (2012) Geographies of education and learning. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 37, no. 4, pp. 482–488. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2012.00542.x
- Hopkins, P. (2011) Towards critical geographies of the university campus: Understanding the contested experiences of Muslim students. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 36, no. 1, pp. 157–169. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2010.00407.x
- Nikiforova, N. (2015) The concept of technology and the Russian cultural research tradition. *Technology and Culture*, vol. 56, no. 1, pp. 184–203. DOI: 10.1353/tech.2015.0009
- Nikiforova, N. V., Bylieva, D. S., Lobatyuk, V. V., Voronova, L. S. (2017) The problem of “sign field” creation for the Russian national technology initiative. *4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM2017*, book 6, vol. 1, pp. 117–124. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2017/HB61/S7.14
- Shipunova, O. D., Mureyko, L. V., Serkova, V. A. et al. (2016) The time factor in consciousness construction. *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 9, no. 42. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104226
- Sturmer, W. F. (1972) Environmental code: Creating a sense of place on the college campus. *The Journal of Higher Education*, vol. 43, no. 2, pp. 97–109. DOI: 10.1080/00221546.1972.11774936
- Whisnant, D. E. (1979) The university as a space and the future of the university. *The Journal of Higher Education*, vol. 50, no. 4, pp. 544–558. DOI: 10.1080/00221546.1979.11779993

References

- Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture [Cultural turns. New orientations in the study of culture]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 502 p. (In Russian)
- Bayne, S., Gallagher, S. M., Lamb, J. (2014) Being ‘at’ university: The social topologies of distance students. *Higher Education*, vol. 67, no. 5, pp. 569–583. DOI: 10.1007/s10734-013-9662-4 (In English)
- Chase, L. (1992) Imagining utopia: Landscape design at Smith College, 1871–1910. *The New England Quarterly*, vol. 65, no. 4, pp. 560–586. DOI: 10.2307/365822 (In English)
- Fleury, A. (2009) La rue: Un objet géographique. *Sociologicheskoe obozrenie — Russian Sociological Review*, vol. 8, no. 3, pp. 30–36. (In Russian)
- Gashkova, E. M., Berezovskaya, I. P., Shipunova, O. D. (2017) Models of self-identification in digital communication environments. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, vol. XXXV, pp. 374–382. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.44 (In English)
- Holloway, S. L., Jöns, H. (2012) Geographies of education and learning. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 37, no. 4, pp. 482–488. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2012.00542.x (In English)
- Hopkins, P. (2011) Towards critical geographies of the university campus: Understanding the contested experiences of Muslim students. *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, vol. 36, no. 1, pp. 157–169. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2012.00407.x (In English)
- Kuprianov, P. S., Sadovnikova, L. V. (2009) Mesto pamyati v pamyati mestnykh: kulturnye smysly gorodskogo prostranstva (po materialam intervyyu zhitelej Moskovskogo Zaryadya) [Memory locus in the in the memory of the locals: Cultural meanings of the urban space (based on Interviews with Moscow Zariadie inhabitants)]. *Antropologicheskij forum*, no. 11, pp. 370–407. (In Russian)
- Nikiforova, N. (2015) The concept of technology and the Russian cultural research tradition. *Technology and Culture*, vol. 56, no. 1, pp. 184–203. DOI: 10.1353/tech.2015.0009 (In English)
- Nikiforova, N. V., Bylieva, D. S., Lobatyuk, V. V., Voronova, L. S. (2017) The problem of “sign field” creation for the Russian national technology initiative. *4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM2017*, book 6, vol. 1, pp. 117–124. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2017/HB61/S7.14 (In English)
- Nikiforova, L. V., Ron, M. V., Tihomirov, S. A. et al. (2011) Prostranstvo universitetskoj povsednevnosti: prikladnoe issledovanie v formate kulturologicheskoy ehkspertizy [The space of everyday life of university campus: Applied research in the format of culturalogical expertise]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta — Bulletin of Herzen University*, no. 7 (93), pp. 60–70. (In Russian)
- Shipunova, O. D., Mureyko, L. V., Serkova, V. A. et al. (2016) The time factor in consciousness construction. *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 9, no. 42. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104226 (In English)
- Stepanov, A. V. (2016) O meste. Etnofenomenologicheskij ocherk [About place. An ethno-phenomenological essay]. *Antropologicheskij forum*, no. 28, pp. 199–220. (In Russian)
- Sturmer, W. F. (1972) Environmental code: Creating a sense of place on the college campus. *The Journal of Higher Education*, vol. 43, no. 2, pp. 97–109. DOI: 10.1080/00221546.1972.11774936 (In English)
- Vakhshtayn, V. (2017) Peresborka povsednevnosti: bespilotniki, lifty i proekt PkM-1 [Reassembling the everyday: Drones, elevators, and the MT-1 project]. *Logos*, vol. 27, no. 2 (117), pp. 1–48. DOI: 10.22.394/0869-5377-2017-2-1-44 (In Russian)
- Whisnant, D. E. (1979) The university as a space and the future of the university. *The Journal of Higher Education*, vol. 50, no. 4, pp. 544–558. DOI: 10.1080/00221546.1979.11779993 (In English)

Сведения об авторах

Лариса Викторовна Никифорова, e-mail: lv.nikiforova@gmail.com

Доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена; профессор кафедры философии, истории и теории искусства Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой

Мария Витальевна Рон, e-mail: mariaron@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Сергей Александрович Тихомиров, e-mail: s-a-tihomirov@yandex.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры истории искусств, начальник управления аспирантуры и докторантуры Высшей школы народных искусств (академии)

Анастасия Салиховна Макашова, e-mail: shakir8@yandex.ru

Кандидат культурологии, учитель истории и обществознания ЧОУ «Санкт-Петербургская Монтессори-школа Михайловой»

Authors

Larisa V. Nikiforova, e-mail: lv.nikiforova@gmail.com

Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia; Professor, Department of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Ballet Academy

Maria V. Ron, e-mail: mariaron@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Sergey A. Tikhomirov, e-mail: s-a-tihomirov@yandex.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Art History, Head of the Graduate and Doctoral Department, Higher School of Folk Arts (Academy)

Anastasia S. Makashova, e-mail: shakir8@yandex.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), History and Social Science Teacher, Saint Petersburg Montessori-School of Mikhailova